

СТИВЕН
КИНГ

КУДЖО

Издательство АСТ
Москва

На страдания у них
        был наметанный глаз.
Старые мастера,
        как точно они замечали,
где у человека болит, как это в нас,
когда кто-то ест, открывает окно
или бродит в печали...

Уистен Хью Оден
В музее изящных искусств

Как умирал мой старый пес,
я видел до конца;
как он от боли землю грыз
у моего крыльца.
Серебряной лопатой я
ему могилу рыл;
на золотой цепи туда его я опустил.
И повторял, звено во тьму
спуская за звеном:
«Прощай, мой старый верный пес,
ты был хорошим псом!»

Народная песня

Ну что ж, все в порядке.

Профессор Вкусных Каш

Когда-то, не так давно, в маленьком городке Касл-Рок, штат Мэн, появился монстр. Его жертвами стали официантка Альма Фречетт в 1970 году; женщина по имени Полина Тузейкер и ученица старших классов Черил Муди в 1971 году; девушка по имени Кэрол Данбаргер в 1974 году; учительница Этта Рингольд осенью 1975-го; и наконец, зимой того же года, девятилетняя Мэри Кэт Хендрасен.

Это был не оборотень, не вампир, не невиданная тварь из колдовских лесов или заснеженных равнин — нет, это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, мучимый психическими и сексуальными комплексами. Его разоблачил некий Джон Смит с помощью своего рода магии, но прежде чем Додда успели арестовать, он покончил с собой (возможно, это было к лучшему).

Разумеется, городок охватила паника; впрочем, она быстро сменилась радостью по поводу того, что монстр, убивший столько невинных людей, наконец-то мертв. В могиле Фрэнка Додда оказались зарыты все кошмары горожан.

Но даже в наш просвещенный век, когда большинство родителей беспокоятся о психическом уроне, который они могут причинить своим детям, находились в Касл-Роке родители, пугавшие детей тем, что, если те будут вести себя плохо, к ним ночью придет Фрэнк Додд; Фрэнк Додд в блестящем черном дождевике, улыбающийся, с протянутыми к горлу жертвы руками.

«Он там, — шептала бабушка под завывание ветра в каминной трубе. — Он там, и если ты будешь плохо себя вести, то увидишь его лицо в окошке, когда все уснут... все, кроме тебя, и, может быть, он смотрит на тебя ночью из шкафа, со знаком «стоп» в одной руке, с которым он переводил детей через дорогу, и с бритвой, которой он убил себя, в другой... так что тише, детка... тсс... тсс...»

Но все же это кончилось. Остались ночные страхи и пустой дом Додда (его мать вскоре умерла от сердечного приступа), сразу же приобретший репутацию дома с привидениями, — однако это были преходящие естественные следствия цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Пять лет.

Монстр сгинул, монстр был мертв. Фрэнк Додд гнил в своем гробу.

Но монстр не может умереть. Оборотень, вампир, неведомая тварь из леса. Он бессмертен.

Он снова явился в Касл-Рок летом тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Четырехлетний Тэд Трентон проснулся в одну из майских ночей того года, потому что ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и, полусонный,

поплелся к двери. Когда он, закончив свои дела, ложился опять, он и увидел кого-то у себя в шкафу.

Этот «кто-то» был невысокого роста, с маленькой головкой, вздернутой над покатыми плечами. Глаза его мерцали, словно янтарные впадины, — волк это был или человек? И эти глаза следили за мальчиком, когда он ложился. Волосы чудища стояли дыбом, из его глотки вырывалось хриплое ледяное дыхание, дикие глаза, смеясь, обещали скорую смерть и крики, которых никто не услышит. Кто-то сидел в шкафу Тэда.

Он слышал хриплое ворчанье и чувствовал сладковатый душок падали.

Тэд Трентон закрыл глаза руками и закричал.

В соседней комнате тревожный голос. Отец.

Испуганный вскрик: «Что там?» Это мать.

После звук шагов, почти бег. И в тот момент, когда они вошли, он выглянул из-за растопыренных пальцев и увидел, что тот, в шкафу, по-прежнему смотрит на него и глаза его угрожают: «Ничего, вот когда они уйдут...»

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон подошли к его кровати, пораженные его бледностью и вытаращенными глазами, и мать произнесла — нет, скорее прошептала:

— Вик, я говорила, что три хот-дога — это слишком!

И отец сел к нему на кровать, обнял его за плечи и спросил, что с ним такое.

Тэд осмелился снова взглянуть в сторону шкафа.

Монстр исчез. Вместо ненасытных глаз он увидел лишь две связки одеял и теплых вещей, которые Донна не собралась еще отнести на чердак. Перед

ними стоял стол, на который Тэд забирался, когда хотел достать что-нибудь с верхней полки. Вместо уродливой треугольной головы, вздернутой словно в удивлении, его глазам предстал игрушечный мишка, взгромоздившийся на одеяла. И сейчас его коричневые глаза-пуговицы ласково глядели на Тэда, а не те ужасные желтые глаза.

— Что с тобой, Тэдди? — снова спросил отец.

— Там был монстр! — выкрикнул Тэд. — У меня в шкафу! — И он зарыдал.

Подсела и мать; они пытались успокоить его вдвоем. Обычный ритуал всех родителей. Они объясняли ему, что никаких монстров нет; что ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что тени могут иногда принимать странные очертания, но это не страшно; и папа подтвердил, что, конечно же, ничто в их мирном доме не может причинить ему вреда. Тэд кивнул, хотя и знал, что это не так.

Отец объяснил, как Тэд мог в темноте принять одеяла за плечи, а медвежонка — за голову монстра; и как отраженный свет из ванной превратил стеклянные глазки игрушки в жуткие глаза неведомой твари.

— Вот, смотри, — сказал он. — Смотри как следует.

Тэд послушался.

Отец взял одеяла и задвинул их дальше в шкаф. Тэд слышал, как тихонько звякнули вешалки, говоря о чем-то на своем вешалковом языке. Это было смешно, и он даже улыбнулся. Мама заметила эту его улыбку и улыбнулась в ответ с облегчением.

Папа вылез из шкафа, взял медвежонка и дал его Тэду. Потом он закрыл дверцу и прижал ее столом. Вернувшись к Тэду на кровать, он еще улыбался, но глаза его были серьезны.

— Порядок, Тэд?

— Да, — ответил Тэд, но потом проговорил как бы с трудом: — Но он был там, папа. Я его видел. Правда.

— Ты *вообразал* его, Тэд, — сказал папа, потрепав Тэда по волосам большой теплой рукой. — Монстров не бывает. Они существуют только в сказках и в твоём воображении.

Он посмотрел на мать и опять на отца — на их большие, светящиеся любовью лица:

— Правда?

— Конечно, правда, — сказала мама. — Лучше сходи и сделай пи-пи, как хороший мальчик.

— Я уже. Я потому и проснулся.

— Вот и хорошо.

Тэда укрыли одеялом и поцеловали.

И когда отец с матерью направились к двери, страх навалился на него, как холодная перина. Как безнадежное предчувствие смерти. «О, пожалуйста, — думал он; ничего больше, только: — О, пожалуйста, пожалуйста, пожа...»

Должно быть, отец уловил его мысли, потому что обернулся, держа руку на выключателе, и повторил:

— Нет никаких монстров.

— Нет, папа, — откликнулся Тэд, словно в свою очередь убеждал в этом отца. Монстров нет. *Кроме одного, что у меня в шкафу.*

Свет погас.

— Спокойной ночи, Тэд. — Нежный голос матери долетел до него, и он готов был крикнуть: *Осторожнее, мама, они и тетя едят! Во всех фильмах они утаскивают тетю и едят их! Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну...*

Но они все равно ушли.

И четырехлетний Тэд Трентон остался в темноте на своей кровати, с одеялом, натянутым до подбородка. На одной стене у него висел Люк Небоход, на другой жизнерадостный бурундучок (сообщающий: «Если жизнь преподносит вам кислые лимоны, сделайте из них лимонад!»), на третьей — вся команда из улицы Сезам: Биг Берд, Берт, Эрни, Оскар и Гровер. Все это были добрые существа. Но они не могли защитить от ветра, завывавшего за окном и царапавшего крышу. В эту ночь он больше не уснет.

Но мало-помалу его нервы расслаблялись, подступило забытье...

Как вдруг новый звук, ближе, чем свист ветра, разбудил его опять.

Это скрипнула дверца шкафа:

— *Kxxxxxx...*

Тонкий скрип на такой высокой ноте, что его слышат только кошки и маленькие дети, проснувшиеся среди ночи.

Дверца медленно, дюйм за дюймом, приоткрывала из темноты свой мертвый зев.

Там опять был монстр. Там же, где и раньше. Он ухмылялся; его вздернутая голова поднималась над покатыми плечами; янтарные глаза все так же горели животной хитростью. «Я же говорил тебе,

что они уйдут, — шептал он. — Они всегда уходят. И тогда я возвращаюсь. Мне нравится возвращаться. И ты мне нравишься, Тэд. Теперь я буду приходить каждую ночь и раз за разом стану подходить немного ближе... пока однажды ночью не успеешь ты закричать, как услышишь мой голос *совсем рядом*, и вот тогда я съем тебя, и ты будешь совсем мой».

Тэд оцепенело смотрел на существо в шкафу. Он почти узнавал его, и это было хуже всего, он почти...

«Ты узнал меня, Тэдди? Я уже давно здесь. Одно время меня звали Фрэнк Додд, и я убивал тетю, и, быть может, ел их. Я древний монстр, Тэд, я всегда на страже и скоро приду и заберу тебя. Жди и смотри, как я подхожу к тебе ближе... ближе...»

Может быть, голос твари был только его собственным свистящим дыханием или воем ветра за окнами — это было не важно. Он слушал его, дрожа от ужаса, не в силах оторваться от зыбкого ухмыляющегося лица. Он не уснет этой ночью, быть может, он не уснет уже никогда.

Но чуть позже, где-то между двенадцатью и часом ночи, Тэд задремал опять — потому что он был маленьким и хотел спать. Он погрузился в беспокойный сон, в котором за ним охотились поросшие шерстью чудовища с острыми белыми зубами.

В трубе продолжал завывать ветер. Белая весенняя луна поднялась высоко в небе. Где-то далеко, на бескрайней равнине или в чаще хвойных лесов, залаяла собака, и опять воцарилась тишина.

А в шкафу Тэда Трентона кто-то с янтарными глазами продолжал бодрствовать.

* * *

— Это ты положил одеяла на место? — спросила Донна мужа следующим утром. Она стояла у плиты, поджаривая ветчину. Тэд в детской комнате смотрел «Наш новый зоопарк» и ел «Твинклс». «Твинклс» — кашу Шарпа — Трентоны получали бесплатно, как и все прочие каши Шарпа.

— Ммм? — спросил Вик, погруженный в спортивный раздел газеты. Коренной ньюйоркец, он успешно противостоял чарам команды «Ред сокс», но был мазохистски рад, узнав о неудачном старте «Метс» в чемпионате.

— Одеяла в шкафу у Тэда. Они опять там. Стол отодвинут, и дверца опять открылась. — Она поставила сковородку с шипящей ветчиной на стол. — Ты их клал обратно?

— Нет, — сказал флегматично Вик, переворачивая страницу. — Я и так провонял нафталином.

— Странно. Наверное, он сам их переложил.

Вик наконец сложил газету и посмотрел на нее:

— Ты о чем, Донна?

— Помнишь его страшный сон?

— Еще бы. Я думал, он умирает.

Она кивнула:

— Он решил, что вместо одеял у него в шкафу...

— Бука, — сказал Вик, улыбнувшись.

— Вот-вот. И ты дал ему медвежонка и отодвинул эти одеяла назад. Но утром, когда я зашла, они снова были на прежнем месте. В первый момент я подумала...

— Да, теперь я признаю, что три хот-дога — это перебор, — сказал Вик, снова раскрывая газету.

Позже, когда Вик уже уехал на работу, Донна спросила Тэда, зачем он положил одеяла обратно.

Тэд поглядел на нее, и его обычно живое, веселое лицо вдруг сделалось бледным и застывшим, как у маленького старичка. Перед ним лежала книжка-раскраска «Звездные войны», которую он разрисовывал зеленым фломастером.

— Я не трогал их.

— Но, Тэд, если ты не делал этого, и папа тоже, и я...

— Это монстр, — сказал Тэд. — Тот, что сидит у меня в шкафу.

Он опять вернулся к своему занятию.

Она стояла над ним, немного испуганная. Он был слишком впечатлительным для своего возраста. Нужно вечером поговорить об этом с Виком. Как следует поговорить.

— Тэд, помни, что сказал тебе папа, — произнесла она наконец. — В твоём шкафу никого нет.

— Днем нет, — возразил он, улыбаясь ей так широко, что у нее сразу отлегло от сердца. Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

Она собиралась поговорить с Виком, но потом, пока Тэд был в садике, явился Стив Кемп, и она забыла об этом, а ночью Тэд опять кричал, что у него в шкафу монстр.

Дверца шкафа была приоткрыта, одеяла лежали на прежнем месте. На этот раз Вик отнес их на чердак и сложил там.

— Все, Тэд, — сказал он, целуя сына. — Там ничего нет. Спи спокойно.

Но Тэд еще долго не мог уснуть, и, прежде чем ему это удалось, дверца опять тихо скрипнула, ее

мертвый зев приоткрыл мертвую черноту — черноту, где таилось нечто шерстистое, с острыми зубами, пахнущее кровью и гнилью.

— Привет, Тэд, — прошептал монстр своим протухшим голосом, и луна заглянула в окошко, как белый, выпученный глаз мертвеца.

Той весной самой старой жительницей Касл-Рока была Эвелин Чалмерс, которую старожилы называли тетя Эвви, а почтальон Джордж Мира — не иначе как «старая болтливая стерва». Джордж Мира доставлял ей почту, состоявшую из каталогов, приложений к «Ридерс дайджест» и брошюрок Братства Христова, и выслушивал ее бесконечные монологи. «Единственное, что эта старая болтливая стерва говорит толкового, так это предсказания погоды», — говаривал Джордж своим приятелям, собираясь с ними у «Пьяного тигра». Дурацкое имя для бара, но им оно нравилось, поскольку бар все равно был единственным в округе.

Все соглашались с Джорджем. Тетя Эвви считалась старейшей жительницей Касл-Рока с тех пор, как столетний Арнольд Хиберт, который под конец впал в маразм и беседовать с ним было все равно что с пустой жестянкой из-под кошачьего супа, свалился с крыльца местного дома для престарелых и сломал шею.

Тетя Эвви была уже почти такой же старой, как Арни Хиберт, и почти в таком же маразме, но в свои девяносто три она находила достаточно сил, чтобы ежедневно препираться с Джорджем Мирой, и оказалась достаточно сообразительной, чтобы не потерять свой дом, как Арни.

И она неподражаемо предсказывала погоду. В городе все знали, что тетя Эвви никогда не ошибается относительно трех вещей: недели, когда нужно начинать сенокос, какая в этом году уродится черника и какая будет погода.

Однажды в этом июне она подковыляла к своему почтовому ящику (который, как подумал Джордж Мира, перейдет к Вину Мерчену, когда старой болтливой стервы не станет). Она изо всех сил прокричала приветствие (глухота, как это обычно бывает, заставляла ее думать, что все вокруг также глухи) и после прокаркала, что нынешнее лето будет самым жарким за последние тридцать лет. «И в начале, и в конце, — каркала Эвви в полуденной тишине. — И в середине».

— Правда? — спросил Джордж.

— *Что-о?*

— *Я спрашиваю, это правда?* — Тете Эвви нужно было кричать в самое ухо.

— *Я поцелую свинью, если будет не так!* — торжествуяще прокаркала тетя Эвви. Пепел ее сигареты упал на плечо форменной блузы Джорджа, выстиранной накануне; он безропотно стяхнул его. Тетя Эвви сунулась в окошко его машины — все лучше, чем вопить ему в ухо.

— Все полевые мыши попрятались в подвалах! Томми Нодье видел у Моссунтик-Понд, как олень чешет свои рога! Трава под снегом осталась зеленой! Зеленой, Мира!

— Неужели? — спросил Мира, поскольку нужно было что-то спросить. У него уже начинала болеть голова.

— *Что-о?*

— *Неужели, тетя Эвви?* — заорал Джордж Мира, брызнув слюной в лицо старухе.

— Еще бы! — Тетя Эвви кивнула в полном восторге. — И еще я видела прошлым вечером марево на горизонте. Плохой знак, Мира! Слишком рано наступает жара! Ох, многие умрут от жары этим летом!

— *Мне пора, тетя Эвви!* — прокричал Джордж Мира. — *Нужно отвезти телеграмму Стрингеру Болье!*

Тетя Эвви Чалмерс откинула голову и захихикала. Она хихикала, пока не закашлялась, роняя пепел на халат. Она выплюнула последний дюйм сигареты, и он лежал, дымясь, на асфальте рядом с ее туфлей, черной, как кухонная плита, и тесной, как корсет, — туфлей старухи.

— Телеграмму французу Болье? Да он не сможет прочитать даже надпись на собственном памятнике!

— Мне надо ехать, тетя Эвви! — сказал поспешно Джордж и нажал на газ.

— Француз Болье — самый большой болван из всех, созданных Богом! — прокаркала тетя Эвви в столбе пыли, оставленном машиной Джорджа.

Она постояла возле почтового ящика, глядя ему вслед. Для нее почты не было, как почти всегда. Большинство из ее знакомых, умеющих писать, были уже мертвы. Она собиралась вскоре последовать за ними. Наступающее лето вызывало у нее мрачные предчувствия. Она могла говорить о мышах, прячущихся в подвалах, или о мареве на горизонте, но не говорила ни о жаре, встающей с полей, как чудовищный зверь со спутанной шерстью